

ДЭВИД БОЙЛ

КАК БЫТЬ
АНГЛИЧАНИНОМ

100 фактов для чек-листа
истинного знатока Британии

Дэвид Бойл
Как быть англичанином.
100 фактов для чек-листа
истинного знатока Британии

indd предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18695434

*Дэвид Бой. Путеводитель по англичанам: Азбука-Аттикус; М; 2016
ISBN 978-5-389-11589-7*

Аннотация

100 увлекательных рассказов о причудах и пристрастиях англичан, их истории и традициях, и о том, что это такое – британский дух. Сюжеты о «Битлз» и Биг-Бене, Ночи Гая Фокса и Кентерберийском соборе, пабах и кардиганах, английских парках и йоркширском пудинге... Вы узнаете, почему англичане и французы друг друга недолюбливают, как китайский чай стал британским национальным напитком, отчего истинно английский зонтик – черный и какие школьные воспоминания заставляют прослезиться взрослых британцев. Герои книги – Альфред Великий и Панч, углекопы и клерки в полосатых костюмах, театральные актеры и призраки.

«Что значит быть англичанином? Смотреть на приказы сверху одним глазом, как Нельсон, или, подобно Веллингтону, сохранять хладнокровие и выдержку при любых обстоятельствах?

Что это – сентиментальная привязанность к животным, вкус к отвратительным вареным овощам, ностальгическая верность традициям, любовь к монархии и симпатия к неудачникам? Пожалуй, все вышеперечисленное вместе», – полагает Дэвид Бойл, автор этой книги (и еще полутора десятков книг по экономике, истории и культуре Британии), известный писатель и журналист.

Содержание

Введение	7
Весна	17
1	18
2	22
3	26
4	29
5	33
6	37
7	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Дэвид Бой
Как быть англичанином.
100 фактов для чек-
листа истинного
знатока Британии

David Boyle

HOW TO BE ENGLISH

Впервые опубликовано издательством Square Peg в 2015
году.

© David Boyle, 2015

© Illustrations by Blanca Gómez, 2015

© Степанова В., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Изда-
тельская Группа «Азбука-Аттикус», 2016

Колибри[®]

* * *

Памяти моих замечательных бабушки и

дедушки

Введение

«Вскоре после нашего приезда объявили, что подан обед из следующих блюд», – пишет 20 апреля 1796 года преподобный Джеймс Вудфорд в своем дневнике, где, как это часто бывает у англичан, пристальнейшее внимание уделено еде, но почти ничего не говорится о Господе. Затем, собравшись с духом, преподобный перечисляет все, что было на столе:

«Отварной лосось с креветочным соусом, немного белого супа, жареное седло барашка с огурцом и проч., баранье жаркое, язык, рагу из телячьей грудинки, рисовый пудинг, лучшая часть тушеного говяжьего огузка, поданная сразу же после того, как было покончено с лососем. Вторая перемена: пара молодых цыплят, поджаренное сладкое мясо, желе, макароны, устрицы, 2 небольших краба и блюдо яиц... Мы вернулись домой около половины десятого, или очень медленно из-за Бритона... который... проявил изрядную неосмотрительность и, полагаю, свел чрезмерно близкое знакомство с пивом и проч. м-ра Меллиша».

В этом описании виден отсвет английской души. Наша культура – блошиный рынок, склад ненужных вещей, она состоит сплошь из обрывков и осколков, склеенных в самом причудливом порядке. К тому же за последние сто лет

понятие английской культуры сделалось совсем невнятным благодаря сомнительному изобретению под названием «британский дух». У британской кухни ужасная репутация, зато англичане славятся чревоугодием и склонностью поглощать простую пищу гигантскими порциями.

Так питались англичане, и подозреваю, будь у них возможность, они охотно вернулись бы к прежним привычкам. В каждом из нас осталось что-то от избалованного XVIII века. Конечно, причина не в наших генах: у нас здесь много – и всегда было много – пришельцев со всех концов света, так что при всем желании вряд ли удастся воспроизвести уникальный рецепт английского генетического наследия. И вряд ли дело в английском климате и погоде, которые одинаково воздействуют на всех нас, ведь за сотни лет климат успел не раз смениться от жаркого XII до холодного XVIII века, когда на льду замерзшей Темзы устраивали ярмарки.

Нет, дело в чем-то другом: существует нечто особенное, некий исторический императив, ядро этой страны, при-ткнувшейся в дальнем северо-западном уголке Европы и сосредоточенно взирающей на запад. Это «нечто» вылепливает англичан по одному образцу – не делает их одинаковыми (что было бы совсем не по-английски), но выделяет среди прочих, нравится им это или нет, и не важно при этом, откуда они родом – с задворок пакистанского Карачи или из крохотной еврейской деревеньки в старой Польше. Мы не знаем, что это такое, но можем изучить доставшиеся нам об-

рывки и обломки истории и попытаться восстановить по ним полную картину.

Книга, которую вы держите в руках, и есть попытка связать разорванные нити. В некотором смысле это изучение и воспевание английского духа и одновременно наглядное пособие для тех, кто хотел бы чувствовать себя англичанином. Кроме того, это руководство для тех, кто не вполне уверен в том, кто он такой.

Надо сказать, подобная неуверенность вполне оправдана. Англичане довольно пестрая публика, и даже в пределах одного сословия мы можем насчитать множество разнообразных типов. Взять хотя бы двух великих английских героев наполеоновской эпохи, Нельсона и Веллингтона (Нельсон родился в Норфолке, а Веллингтон был, строго говоря, ирландцем). При жизни они встретились всего один раз, в приемной Министерства по делам колоний на Даунинг-стрит, незадолго до Трафальгарской битвы в 1805 году, и сразу же не понравились друг другу. Веллингтон сказал, что Нельсон «тщеславен и глуп». Нельсон погиб вскоре после этой встречи, поэтому о его мнении нам ничего не известно. Лишь то, что лорд Каслри заставил обоих почти час дожидаться в приемной, вызвало у них некое подобие единодушия.

Отсутствие взаимопонимания обычно объясняют разницей их положения на тот момент. Нельсон находился в зените славы, а Веллингтон, тогда сэр Артур Уэлсли, пока еще не был национальным героем, и невысокий, одноглазый и

однорукий адмирал обходился с ним небрежно и покровительственно. Вряд ли можно было бы найти двух других столь же несхожих по характеру мужчин, как эти два представителя одной нации. Веллингтон, в сущности, изобрел новый «британский» характер, добавив к традиционной английской флегме иные, глубоко личные черты – немногословность, бесстрастность, сухость.

– О боже, я потерял ногу! – воскликнул находившийся рядом с ним в битве при Ватерлоо граф Аксбридж, позднее маркиз Энглси, когда пушечное ядро угодило ему в колено.

Веллингтон, осматривавший поле боя, опустил подзорную трубу, взглянул вниз и невозмутимо, без малейшего удивления заметил:

– В самом деле, сэр.

По части стратегического гения и личной отваги Нельсон ни в чем не уступал Веллингтону, однако он относился к гораздо более старомодному типу: эмоциональный, склонный к излишествам, сентиментальный, слезливый – словом, английский до мозга костей. О Веллингтоне нельзя было сказать ничего подобного. Неудивительно, что они мигом невзлюбили друг друга.

Итак, что же значит быть англичанином? Смотреть одним глазом на приказы сверху, как Нельсон, или, подобно Веллингтону, сохранять хладнокровие и выдержку при любых обстоятельствах? Что это – сентиментальная привязанность к животным, вкус к отвратительным вареным овощам, но-

стальгическая верность традициям, любовь к монархии и одновременно симпатия к неудачникам? Пожалуй, все вышеперечисленное вместе.

Ныне этот вопрос стал особенно острым. Шотландцы и валлийцы точно знают, кто они такие, и осознают себя как самостоятельные нации в составе Соединенного королевства. Их требования о самоопределении до некоторой степени удовлетворяются. Это полноценные, не вассальные государства. Но кто такие англичане? У шотландцев есть «Цветок Шотландии», у валлийцев есть великое множество песен, в том числе *Cwm Rhondda, Myfanwy* и *We'll Keep a Welcome*. Правда, у ирландцев все далеко не так однозначно, но что же есть у англичан кроме расплывчато-вежливого: «С одной стороны... с другой стороны...»?

Дело отчасти в том, что вежливость всегда была свойственна англичанам. Англичане всегда извинялись за себя, где бы ни оказались. Им по душе смелость, честная игра и крикет, Уимблдон и Дерби по-прежнему занимают почетное место в их сердцах, но порой они чувствуют себя неловко, когда выигрывают. Кроме того, они не торопятся обозначать свою позицию, а то вдруг кто-нибудь вздумает с ними спорить. Отчасти это продиктовано политической корректностью – английская нация крайне неоднородна и вобрала в себя множество рас, – но дело не только и не столько в этом. Англичане всегда выражали свое мнение и обозначали свои ценности, оставляя простор для толкования, – и кто скажет,

что они не правы? Но в этом действительно есть некая незавершенность.

Британская империя давно исчезла, «Юнион Джек» вполне может последовать вслед за распавшимся союзом, звуки гимна «Правь, Британия» не вызывают у слушателей ничего, кроме легкой неловкости (по словам самих англичан), и само слово «Британия» окончательно сдало позиции Соединенному Королевству (которое, как всем нам известно, вовсе не такое уж соединенное). Дни, когда политики могли беззаботно называть «англичанами» разом всех жителей Британских островов, остались в далеком прошлом.

Поэтому еще не было более подходящего момента, чтобы оживить английский дух, и цель моей книги – шаг за шагом собрать воедино это понятие, рассыпавшееся на множество пестрых фрагментов.

Написать эту книгу меня побудило еще одно соображение. Однажды я бродил по дивной красоты уголку английской природы, долине Монсал-Дейл в Дербишире. Когда-то Джон Рёскин протестовал против строительства здесь огромного путепровода, предназначенного для того, как он выразился, «чтобы любой дуралей из Бакстона мог за полчаса добраться до Бейквелла». Путепровод сохранился до наших дней и стал частью сети междугородних маршрутов, покрывающей всю страну. Спускаясь по склону к реке, я вдруг задумался о том, каким образом мои дети смогут узнать все

те традиционные истории и песни, которые составляют их наследие.

Вряд ли их научат этому в школе. В национальном учебном плане бесконечно повторяется миф об основании современного британского государства – несостоявшемся вторжении 1940 года, – однако программа едва ли заходит дальше Тюдоров и беглого упоминания о римлянах. Если они будут ходить в англиканскую школу, то, возможно, выучат несколько традиционных гимнов, но этим дело, скорее всего, и ограничится.

Итак, если они собираются узнать, что значит быть англичанами, мне придется учить их самому. Но что же им рассказать? Может быть, спеть песню о Полли Оливер – или не стоит, а то вдруг меня сочтут буйно помешанным? Рассказать им о Робин Гуде и Непобедимой армаде? Или о сэре Джоне Муре в битве при Ла-Корунье и о капитане Скотте? Прочитать им «Детей Нового леса»? Или все это просто ветхие, никому не нужные пережитки времен «Аббатства Даунтон»?

Должны ли мы сегодня знать, в каком случае какая одежда уместна и откуда взялись костюмы в полоску? Нужно ли славить святого Георгия и отмечать его день? Все-таки подобные проявления английского духа заставляют людей нервничать.

В некотором смысле эта книга может послужить наглядным пособием для ответа на поставленный вопрос. Вы мо-

жете смело вручить ее пришельцу с другой планеты, и он получит исчерпывающее представление о том, кто такие англичане и каковы их основные свойства. Кроме того, в ней запечатлены все те милые и нелепые (в хорошем смысле) английские черты, которыми мы, несмотря ни на что, все же гордимся. В сущности, эта книга может заново научить нас быть англичанами. Она покажет, как это сделать, напомнив о тех особенностях и культурных нюансах, благодаря которым мы становимся англичанами.

И когда вы освежите в памяти все эти маленькие английские особенности, вам станет ясно, насколько эклектичной нацией мы всегда были. Как мало явлений и обычаев, которые мы зовем исконно нашими, могут похвастаться неоспоримо английским происхождением – в большинстве своем они были заимствованы из других культур разных уголков планеты, так же как мы присваиваем людей со всего света.

Англичане всегда были толерантной нацией (хотя вы вряд ли согласились бы с этим, будь вы иноземным купцом, за которым гоняются по задворкам средневекового Лондона дикие подмастерья Сити). Они впитывали и ассимилировали, не всегда гладко и не всегда осознанно, инородные элементы и создали парадоксальную пеструю культуру, которая обращена назад, к прошлому, и вместе с тем постоянно меняется.

«Морские ветра, скажите: поставится ли в вину / Презрение к Англии – тем, кто видел ее одну?»¹ – писал Ре-

¹ Перевод Е. Витковского.

дьярд Киплинг, призывая удивительно консервативных англичан взглянуть за пределы собственных берегов, туда, где их соотечественники боролись за жизнь в Калькутте и Лахоре, Шанхае, Каире и Лагосе. Действительно, чтобы понять самую простую и очевидную истину, иногда нужно прислушаться к тому, что говорят о тебе иностранцы.

Ивлин Во возражает на это устами Энтони Бланша, персонажа «Возвращения в Брайдсхед», язвительного, манерного сплетника, чей характер списан отчасти с Брайана Ховарда, отчасти с Гарольда Эктона, персонажа, который читал стихотворение Т. С. Элиота «Бесплодные земли» команде гребцов на Крайстчерч-Медоу в Оксфорде. Он предостерегает героя против английского очарования:

«Обаяние – это английское национальное бедствие. Болель, которая распространена только на этих серых островах. Обаяние пятнает и губит всё, к чему прикасается. Оно убивает любовь, убивает искусство; боюсь, мой милый, что оно убило и *вас...*»²

Книга, которую вы держите в руках, полна английского обаяния, поэтому вам стоит помнить разумное предостережение Энтони Бланша. Возможно, то, что англичане упорно и даже упрямо отказываются требовать для себя слишком много (хотя кое-кто может посчитать, что этот отказ продиктован исключительно ленью) и стремятся жить словно хоббиты, уютной добропорядочной жизнью без приклю-

² Перевод И. Бернштейн.

чений, заставляет их столкнуться с трудностями и испытаниями, неизвестными другим народам. Но здесь позвольте нам немного заступиться за англичан. По отдельности садовые домики, любовь к зеленым насаждениям и к футболу, но-стальгия и гигантские пудинги с заварным кремом ровно ничего не значат. Но, взятые вместе, они составляют цивилизованный образ жизни, постоянно меняющийся и в то же время остающийся неизменным.

Итак, чтобы запечатлеть разнообразные курьезы, традиции и причудливые особенности английской культуры и истории для следующего поколения, прежде чем они будут безвозвратно забыты, я составил список из ста пунктов, которые вы найдете ниже. Думаю, каждый житель Англии выбрал бы что-то свое – отчасти именно это и делает нас англичанами, – но я надеюсь, читатели снисходительно отнесутся к моей личной подборке, моему персональному «списку вещей, которые нужно взять с собой на необитаемый остров», и используют его как отправную точку для составления собственного списка. А затем передадут его дальше.

Весна

1

Альфред Великий

Одни народы переименовывают главные улицы и аэропорты в честь своих национальных героев, едва те успеют испустить последний вздох. Другие награждают эпитетом «великий» любого государственного деятеля, стоящего по нужную сторону закона, а заодно и пару-тройку деятелей с противоположной стороны.

У англичан все по-другому. Только один английский король за всю историю удостоился прозвания Великий, при этом он жил так давно, что теперь уже трудно установить, в самом ли деле он заслуживал подобной чести. Мы даже не знаем, где покоятся его кости – впрочем, учитывая, что в XVIII веке его могила была разорена пуританами, это, пожалуй, простительно.

Удивительно, как мало на самом деле мы знаем об Альфреде Великом. Из всех жителей Англии о нем лучше всего помнят те, кто живет в его столице, Винчестере, – там у южного въезда в город возвышается внушительная статуя короля с мечом.

Единственная история об Альфреде Великом, которую наверняка знает каждый, – это история о пирогах. Ее рассказал монах, записавший биографию советника Альфреда, святого Неота. В ней говорится о том, как король, осажден-

ный викингами в Этелни, однажды отправился на прогулку и, погрузившись в раздумья, не заметил, как оказался у хижины свинопаса. По просьбе жены свинопаса он согласился присмотреть за очагом, в котором пеклись пироги, но так глубоко задумался, что не заметил, как пироги сгорели. Хозяйка сурово выбрала его, может быть, даже поколотила, но он так и не открыл ей, кто он такой.

Теперь эта история почти забыта, и все же у нее есть нечто общее со многими английскими историями. Главное в ней – не унижение короля и не его готовность безропотно принять наказание. Главное – то, что обыкновенная хозяйка может упрекнуть монарха. Это история о том, что практичность важнее интеллекта – весьма английская идея, – а также о том, как важно не опускать руки и упорно повторять попытки. Альфред, скрывавшийся в Этелни, потерпел сокрушительное поражение от данов, но по-прежнему обдумывал, как бы нанести им новый удар. История об Альфреде и пирогах – английский эквивалент истории о Роберте Брюсе и пауке: она учит никогда не сдаваться.

Альфред не сдавался, и именно это, в числе прочего, сделало его великим. Его вместе с союзниками осадили в окруженном болотами Этелни, вытеснив с равнин Сомерсета, и все же он сумел собрать армию, дать отпор викингам и в конце концов победить их. Более того, он заставил своего противника Гутрума принять христианство – таково было одно из условий их мирного соглашения.

Альфред родился в 849 году в Уонтедже, в мире, над которым нависла серьезная опасность. За полвека до его появления на свет с моря пришли викинги: в 793 году они атаковали остров Линдисфарн, где располагался знаменитый монастырь, и с тех пор продвигались дальше, захватывая одну за другой земли, которые мы сегодня называем Англией. Альфред, как Уинстон Черчилль, принял власть в поистине катастрофический момент, и случилось это в 870 году. Но он сумел снова подняться к вершине.

Викторианцы любили Альфреда: для них он был символом англосаксонской расы, на плечах которой держалось величие Англии. Они любили его за мудрость, за книги и переводы, за то, что он основал английский флот и построил первые верфи, превратившие Лондон в портовый город. Они боготворили англосаксов, несмотря на то что их довольно быстро оттеснил правящий класс, происходивший от северян – норманнов, как их тогда называли.

Кроме того, они любили Альфреда за то, что он стойко преодолевал выпадавшие на его долю испытания – здесь мы подразумеваем не только набеги викингов, но и постоянные проблемы со здоровьем (по некоторым свидетельствам, он страдал болезнью Крона, хроническим воспалительным заболеванием желудочно-кишечного тракта).

Однако еще до того, как викторианский средний класс обратился к его памяти, Альфред служил для многих поколений символом радикальных перемен, будучи автором Зако-

нов и Свобод Старой Англии, уничтоженных позднее Вильгельмом Завоевателем. В сущности, законы Альфреда были довольно туманными: в них говорилось, например, о необходимости честно держать данную клятву и уметь писать на английском, если вы хотели занять должность судьи. Но они были по-своему важны, хотя и не могли сравниться с Великой хартией вольностей.

Письменных памятников того времени сохранилось очень мало, однако эти законы по настоянию сына Альфреда были записаны, с тем чтобы позднее их нельзя было «обратить в ничто, погрузив в туман забвения». Самому Альфреду до сих пор удавалось избегать подобной судьбы, хотя порой кажется, лишь по счастливой случайности.

Вспомните, какие несчастья выпали на нашу долю в этом мире, когда мы сами не берегли знания и не передавали их другим.

Альфред Великий

2

Земельные участки

Движение за выделение во временное пользование земельных участков занимает в жизни Англии все более заметное место. В политике начало этому движению было положено во время забастовки фермеров в 1878 году. Разумеется, идея о выделении безземельным жителям небольших участков возникла намного раньше, чем начали протестовать фермеры Лимингтона, – она восходит непосредственно к средневековым поселениям, где люди могли пользоваться общинной землей для выпаса коров или обеспечения себя необходимым пропитанием. Однако акция фермеров обеспечила мощный старт политической карьере одного из участников кампании, который впоследствии сделал борьбу за выделение земельных участков основой своей деятельности.

Прошло почти полтора века с тех пор, как Джесси Коллингс предложил выдавать каждому нуждающемуся «три акра и корову». Впрочем, даже в 1880-х годах, когда кампания достигла пика, у государства вряд ли была возможность обеспечить всех желающих таким количеством земли. Итогом работы Коллингса стал принятый в 1908 году Акт о выделенных участках и малых владениях, против которого сам Коллингс, как ни парадоксально, протестовал. Акт вме-

нил местным властям в обязанность обеспечить земельными участками всех желающих.

В XX веке подобные идеи время от времени возвращались, каждый раз вызывая всплеск энтузиазма, хотя теперь речь шла, разумеется, не об акрах и коровах, а о небольших полосках земли, где можно было выращивать овощи, чтобы прокормить семью, или просто почувствовать себя ближе к природе. Но в последнее время спрос на земельные участки сделался практически ненасытным. Желание получить землю во временное пользование выразили около 6 миллионов человек, а в одном из лондонских пригородов очередь потенциальных арендаторов уже расписана на сорок лет вперед. Не вполне ясно, что послужило причиной резкого роста заинтересованности, однако гораздо интереснее, почему до этого популярность земельных участков шла на спад, особенно если вспомнить, какой успех имела кампания по развертыванию подсобного хозяйства «Копай для победы» (*Dig for Victory*) в годы Второй мировой войны.

В период между двумя мировыми войнами концепцию возврата к земле продвигали романтические объединения правого крыла – «Английская гильдия» и «Английский союз», а также Британский союз фашистов Освальда Мосли. Романист Генри Уильямсон, пламенный последователь Мосли, отнесся к этой концепции так серьезно, что купил ферму в Норфолке и до самого конца войны с переменным успехом пытался наладить на ней хозяйство. Его советник по сель-

скому хозяйству Джордан Дженкс, позднее один из основателей Ассоциации почвоведов, выступал за то, чтобы Британия могла самостоятельно обеспечивать себя сельскохозяйственной продукцией, а также за введение фиксированных цен, низкопроцентных займов для фермеров, поддержку мелкого фермерского производства и т. д.

Именно эти меры начал проводить в 1939 году министр сельского хозяйства сэр Реджинальд Дорман-Смит. В прошлом Дорман-Смит был членом «Английской гильдии», активно протестовавшей против промышленной консервации продуктов и истощения почвенных ресурсов, позднее он организовал кампанию «Копай для победы».

Эта кампания полностью изменила общую картину. В 1943 году в садах, парках и на пустошах страны насчитывалось 1,4 миллиона выделенных участков, которые приносили более 1 миллиона тонн овощей в год. Существовали специальные радиопрограммы о садоводстве (3,5 миллиона человек с нетерпением ждали выступлений С. Г. Миддлтона), у движения «Копай для победы» даже были собственные гимны. Но в 1970-х годах, спустя всего одно поколение после окончания войны, в стране осталось только 530 тысяч выделенных земельных участков, и пятая часть из них пустовала. Что же произошло?

Возможно, свою роль сыграли окончательный отказ от системы нормированного распределения продуктов в 1954 году и появление супермаркетов самообслуживания (1950),

положивших начало новой эпохе изобилия. Возможно, работа на земельном участке казалась новому поколению старомодной – занятием для пожилых, малообразованных и малообеспеченных людей. Власти страны тем временем были заняты решением жилищного кризиса, за которым последовал кризис неплатежей, а затем энергетический кризис.

Возможно, именно это и подкосило движение за выделение участков в 1950-х годах. Официальная политика обернулась против романтического энтузиазма садоводов и огородников. Но какой бы ни была настоящая причина, сейчас процесс повернул вспять, и мы проходим очередной этап развития самой, пожалуй, радикальной английской идеи – идеи возврата к земле.

Я выяснил, что даже в бесконечных лабиринтах нового Лондона наступает по ночам особый час, когда все ненадолго стихает и замирает, час, предшествующий появлению скрипящих тележек, стекающих в город из окрестных садов, чтобы напомнить нам, что где-то еще существует сельская местность. В этой неподвижности я иногда представляю, будто слышу тихие и бесконечно далекие звуки: негромкий приветственный оклик и стук копыт приближающейся лошади.

Уильям Коббет

3

Извинения

В глубине души англичане уверены, что извинения должны быть взаимными. При этом важно, чтобы полученных извинений ни в коем случае не оказалось больше принесенных. Англичане, особенно принадлежащие к среднему классу, вполне могут с педантичной вежливостью начать извиняться первыми, когда кто-нибудь наступит им на ногу или толкнет на улице. Хотя они будут глубоко оскорблены, если собеседник не извинится перед ними в ответ.

Откуда берется эта щепетильность? Вряд ли англичан можно назвать более робкими и пугливыми, чем другие нации, – скорее даже наоборот. Однако они терпеть не могут открытой конфронтации и как раз для того, чтобы избежать ее, предпочитают извиниться первыми. Англичане хватаются за любую возможность избежать инцидента или сгладить его, пока он не превратился в некрасивую громкую сцену. У посторонних может сложиться впечатление, будто англичане любят формальности. На самом деле они могут вести себя куда свободнее, чем их континентальные соседи. Просто дело в том, что они не любят такого сорта интимность, которая возникает при открытой перебранке. Ведь это так неловко.

Пуританство вкупе с британской выдержкой, которую изобрел, по всей видимости, герцог Веллингтон в один из

длинных летних вечеров Иберийской кампании, победили английскую спонтанность. Но так было не всегда. «Английские девушки божественно хороши собой, и у них есть один обычай, которым нельзя не восхищаться, – писал Эразм Роттердамский во время своей поездки в Лондон в конце XV века. – Когда вы приходите куда-нибудь, девушки целуют вас. Они целуют вас в знак приветствия. И целуют вас на прощание. И снова целуют, когда вы возвращаетесь. Стоит раз ощутить прикосновение этих нежных благоуханных уст, и вы будете готовы остаться здесь на всю жизнь». Увы, этот взгляд на Лондон погребен в недрах истории.

Печальный побочный эффект культуры превентивных извинений состоит в том, что англичане обычно молча терпят плохое обслуживание и плохую пищу – не потому, что их все устраивает (в стенах своих кухонь англичане не меньше остальных любят пожаловаться на жизнь), а потому, что они избегают публично высказывать недовольство.

Великая комедийная актриса Джойс Гренфелл прекрасно сыграла характерную смесь растерянности, неловкости и попыток сохранять любезность в роли хозяйки маленькой брайтонской гостиницы, столкнувшейся с открытым недовольством клиентов, в фильме «Женевьева» (1953). Горячая вода бывает только с двух до четырех часов дня, извиняющимся тоном сообщает она своим новым постояльцам. Номер оформлен в коричневых тонах, а окно выходит на башню с оглушительно громкими городскими часами. Молодые

супруги высказывают недовольство, но, поскольку им больше некуда пойти, поднимаются в номер. Потрясенная их поведением хозяйка поворачивается к другим постояльцам.

– Раньше никто ни на что не жаловался, – растерянно говорит она.

Пожилая леди смотрит вслед удаляющейся паре и изрекает:

– Они что, американцы?

Как извиняться по-английски (по материалам курсов Bloomsbury International English):

1. *Простите.*

2. *Мне так (очень/ужасно/страшно) жаль.*

3. *Как неосторожно с моей стороны!*

4. *Мне не стоило...*

5. *Это я во всем виноват.*

6. *Пожалуйста, не сердитесь на меня.*

7. *Надеюсь, вы сможете меня простить. / Пожалуйста, простите меня.*

8. *Я не могу выразить/передать, как мне жаль.*

9. *Приношу извинения за... / Я хотел бы принести извинения за...*

10. *Прошу вас, примите мои (искренние) извинения.*

4

The Beatles

Мировой имидж Англии заключает в себе странный парадокс. С одной стороны, ее представляют как воплощение порядка и пасторальной сельской жизни («И будет наша Англия жива, покуда выются сельские дороги»). Считается, что англичан окружает атмосфера традиций и консервативного этикета, а в иностранных фильмах их обычно изображают как напыщенных болванов или психопатов, рвущихся к власти над миром. Но взгляните на Англию: на протяжении по-

следних ста лет 80 % ее населения составляют жители городов. Англия превосходит многие страны в области технологий, от промышленной революции до интернета, и неизменно идет впереди в рекламе и молодежной культуре.

Выйдя на сцену со своим первым хитом в Ливерпуле в 1962 году, *The Beatles* с беспрецедентной ясностью продемонстрировали, как далек мировой имидж Англии от ее повседневной реальности. У нас был премьер-министр Гарольд Макмиллан, родившийся еще при короле Эдуарде, торжественная смена караула у Букингемского дворца и старики, которые, по словам поэта Джона Бетчемана, «не ведали страха, не знали обмана». И вдруг откуда ни возьмись появились эти четверо длинноволосых юнцов, которые взяли штурмом вершины знаменитых американских хит-парадов, схватили 60-е за горло, оседлали поднывающую следом психоделическую волну и намертво впечатали свои песни в нашу память. Они стали фоном, на котором разворачивалась жизнь каждого человека во второй половине XX века, и не только в Англии, но и далеко за ее пределами.

Однако парадокс прячется еще глубже. Второе имя Джона Леннона – Уинстон, хотя позднее он сменил его на более подходящее. Стихи песни *When I'm 64* («Когда мне стукнет 64»), где говорится в том числе о простой мечте завести «домик на острове Уайт, если он будет не слишком дорог», свидетельствуют о тонком понимании Англии прежних лет – времен родителей музыкантов. Впрочем, автором упомя-

нутых строк был Пол Маккартни, а Леннон заметил, что сам он «никогда не написал бы такую песню».

Сначала группа называлась *The Quarrymen*, затем она сменила несколько названий – *The Blackjacks*, *Johnny and the Moondogs* – и лишь позднее музыканты остановились на варианте *The Beatles*, а друг Леннона и участник первого состава группы Стюарт Сатклифф сделал во время поездки в Гамбург знаменитую «битловскую» стрижку. В 1962 году группа привлекла внимание владельца местного магазина грампластинок Брайана Эпстайна, за этим последовала запись первого альбома в студии Эбби-роуд. Осенью 1963 года музыкантов встретили в залитом дождем аэропорту Хитроу сотни визжащих фанатов – так началась битломания.

«Великолепная четверка» (название предложил Тони Бэрроу, отвечавший за связи с прессой) – Джон Леннон, Пол Маккартни, Джордж Харрисон и Ринго Старр – вышла на рынок США в 1964 году, и летом того же года американский фолк-певец Боб Дилан познакомил их с марихуаной (весь следующий год их дантист тайно добавлял музыкантам в кофе ЛСД). Это был важный кросс-культурный момент. К моменту распада *The Beatles*, всего через шесть лет, они стали самой знаменитой и успешной рок-группой в истории, продав около 600 миллионов пластинок.

Культурное влияние *The Beatles* было огромным, от причудливого своеобразия *Sgt. Pepper's Lonely Hearts Club Band* (1967) до более поздних работ. Совместно они заложили ос-

новы интеграции английской и американской культуры, отголоски которой можно наблюдать и в наши дни.

Леннон был застрелен в Нью-Йорке в 1980 году, Харрисон скончался от рака в 2001 году, но два оставшихся члена группы продолжают участвовать в жизни Англии: Маккартни выступал на концерте в честь Золотого юбилея королевы Елизаветы II, а Старр озвучивал рассказчика в детском мультсериале «Томас и его друзья», который можно назвать еще одним важным культурным заимствованием с северо-запада Англии.

The Beatles в цифрах:

Количество проданных во всем мире пластинок The Beatles: 600 миллионов экземпляров

Количество проданных в Великобритании экземпляров альбома Sgt. Pepper's Lonely Hearts Club Band: 4,5 миллиона

Количество хитов, написанных Полом Маккартни: 32

Количество песен The Beatles, в названии которых есть женское имя: 18

5

Пиво и эль

Множество типично английских особенностей, о которых пойдет речь в этой книге, на самом деле пришли к нам из других стран, но пиво можно с уверенностью назвать исключением из этого правила. История пива в Англии прослеживается так далеко, что приходится признать: оно появилось едва ли не раньше самих англичан и его пили на этих ост-

ровах за несколько столетий до прибытия Хенгиста, Хорсы, Кердика и прочих англосаксов.

Кельты варили пиво из солода, воды и дрожжей, а от них этот обычай переняли римляне, предварительно отправив в Рим короля бриттов Карактакуса. Нам даже известно имя одного римского пивовара: его звали Атректус, и жил он в крепости Виндоланда на валу Адриана. Вероятно, шансы пережить зиму в этих местах были непосредственно связаны с количеством употребленного внутрь пива.

Поскольку пивоварение на островах относится к тем традициям, которые действительно можно проследить до древнейших времен, мы вынуждены сделать вывод, что его появление и развитие напрямую связано с местным климатом. Британский климат, за исключением разве что пары последних лет, был в целом неблагоприятным для выращивания винограда, что автоматически исключало возможность изготовления вина. Что еще оставалось нашим предкам, кроме как варить пиво? И они варили его в огромных количествах в каждом доме, каждой пабе, у каждой реки.

Строго говоря, тогда это было не пиво, а эль: напиток, по определению, не может считаться пивом, пока в него не добавят шишки хмеля, и предположительно это нововведение было придумано не в Англии. Нетрудно вообразить, какой поднялся крик, когда первые бочки пива с добавлением хмеля доставили в XV веке из Нидерландов. Идея была встречена в штыки, однако запрещать ее не стали – единствен-

ным законодательным ограничением стало то, что пивоварам с тех пор не позволялось изготавливать одновременно пиво и эль. Либо одно, либо другое.

Англичане не только издавна варили пиво и эль, но и поглощали его в немислимых количествах: к концу Средних веков на душу населения, включая мужчин, женщин и детей, приходилось 60–66 галлонов в год. Впрочем, это не кажется удивительным, если вспомнить, что пиво употребляли с каждым приемом пищи и что оно было, по сути, единственным доступным и безопасным напитком.

Должно быть, поэтому на заре промышленной революции Уильям Коббет и другие публицисты обратили свои остро заточенные перья против чая – напитка, предательски ослаблявшего моральную стойкость нации, – призывая англичан вернуться к пиву.

Одним из любопытных аспектов английской жизни, сохранившимся до XX века, была привычка заводских и фабричных рабочих выпивать после окончания смены невероятное количество пива: за вечер один человек мог прикончить до 15 пинт.

И только в XX веке многочисленные разновидности традиционного английского теплого (на самом деле температуры подвала) пива – биттер, майлд, браун, индийский пейл и другие лондонские специалитеты, которые разливали из кранов на стойке бара, – начали отступать под натиском универсальных охлажденных лагеров, произведенных транснацио-

нальными корпорациями.

Англичане никогда не создавали шумихи вокруг своего пива. Они не проводили пивных фестивалей, как в Америке, у них не было ничего похожего на немецкий Октоберфест. Они просто стояли у стойки бара, потягивая из кружки свое пиво, и не замечали, как их пивные компании постепенно объединяются и консолидируются, становясь почти неотличимыми друг от друга, и как то же самое происходит с пабами, одним за другим.

Важное для англичан новшество было введено в 1963 году с легализацией домашнего пивоварения. Теперь каждый мог варить собственное пиво, и пивоварение стало той областью, где англичане сумели провести своего рода контрнаступление в защиту собственной культуры, опираясь на крошечные домашние пивоварни и пабы с собственным производством, при поддержке кампании «Настоящий эль», популяризовавшей это партизанское движение.

Дядюшка Рэт тем временем внимательно изучал этикетку на одной из пивных бутылок.

– Я полагаю, что это «Старый Бэртон», – заметил он одобрительно. – Разумный Крот! Это как раз то, что нужно! Мы сможем сделать подогретый эль! Давай-ка готовь все остальное, дружище, а я пока повытаскиваю пробки.

Кеннет Грэм, «Ветер в ивах» (1908)³

³ Перевод И. Токмаковой.

6

Колокольный звон

Так называемый переменный звон (звон церковных колоколов, создающий мелодичные переливы) – характерная особенность Англии. В других странах, разумеется, тоже есть церковные колокола, но в Англии в них звонят иначе, возможно, потому, что английские колокола всегда были довольно большими, а колокольни прочными, и вдобавок колокола могли поворачиваться на 180 градусов. Кроме того, к делу приложили руку математики XVII века Ричард Дакворт и Фабиан Стедман, опубликовавшие в 1668 году трактат «Тинтинналогия, или Искусство колокольного звона», – они спасли культуру колокольного звона от пуритан, указав на его сложные математические аспекты.

Колокола были распространены в Европе со второй половины XIII века. Они могли служить местными часами, отбивая время, когда людям пора было вставать, начинать работу, заканчивать работу или ложиться спать. По меньшей мере в трех населенных пунктах Англии, в том числе в Бервике-на-Твиде, колокола до сих пор звонят отбой в конце дня. Однако именно для англичан колокольный звон стал особенно близким и родным. У нас есть свадебные и погребальные звоны, а также особый колокол, который звучит во время вражеского вторжения, – поэтому колокольный звон

был полностью запрещен в 1940–1945 годах. Есть призрачные колокола, чей звон доносится с моря, недалеко от берегов Данвича и Селси. В романе Дороти Ли Сэйерс «Девять портных» (1934) есть даже таинственное убийство, связанное с колокольным звоном.

Английские колокольни не раз играли важную роль в истории: в 1588 году колокольный звон возвестил о необходимости зажечь на маяках сигнальные огни, чтобы предупредить жителей о подходе Непобедимой армады, а тщательно разработанная система передачи сигналов от одной церковной колокольни к другой позволяла всего за двадцать минут донести сообщение из Адмиралтейства в Лондоне до нельсоновского флота, стоявшего на якоре в Портсмуте.

В 1668 году, когда была издана «Тинтинналогия», произошло еще одно событие: в тот год родился Джон Хетфилд. Имя этого в целом ничем не примечательного человека наверняка было бы забыто, если бы не один любопытный случай. Около 1690 года Хетфилд нес стражу на балконе Виндзорского замка и заснул на часах, за что был отдан под трибунал. Во время суда он решительно отрицал свою вину. Чтобы доказать, что обвинение несправедливо и в ту полночь он на самом деле не спал, он сообщил, что слышал нечто необыкновенное. Он слышал вдалеке, в долине Темзы, звон Большого Тома: старинный колокол на башне против Вестминстерского дворца ударил ровно тринадцать раз. Нетрудно догадаться, что эта история совершенно не убеди-

ла судей. Более того, по их мнению, она неоспоримо доказывала вину стражника. Он был приговорен к казни.

Однако за несколько дней до повешения новости об этой истории достигли Вестминстера, и несколько человек поклялись, что в ту ночь тоже слышали, как Большой Том прозвонил тринадцать раз. Причиной тому послужила особенность часового механизма – задержка рычага отмыкания. Казалось невероятным, что Хетфилд услышал колокол, находясь от него на таком расстоянии, в Виндзоре, но все же этот факт подтвердил его невиновность. Вильгельм III помиловал его. История умалчивает о том, что произошло с Хетфилдом потом, но известно, что он скончался в своем доме в Глассхаус-Ярде, Олдерсгейт, 18 июня 1770 года, в царствование короля Георга III, в возрасте 102 лет.

Древний колокол по имени Большой Том отлили еще в XIII веке, и до Реформации его называли Эдуардом. В 1698 году его колокольную разрушили, а сам колокол продали собору Святого Павла. По дороге на новое место колокол свалился с телеги на подъезде к Темпл-бару, границе Сити, и треснул. После этого его несколько лет хранили в одном из хозяйственных помещений при соборе и наконец отлили заново в 1709 году в колокольной мастерской Уайтчепела, которая сохранилась до наших дней, а затем подняли на башню собора Святого Павла, где он и сейчас отбивает часы.

Кроме того, этот колокол отмечал своим звоном смерть членов королевской семьи, епископа Лондона, настоятеля

собора Святого Павла и лорда-мэра, если тот умирал на своем посту, – но это, как мог бы сказать Редьярд Киплинг, уже другая история.

Король Эдуард создал и нарек меня.

*С тем чтобы милостью святого Эдуарда
отсчитывать время.*

Перевод латинской надписи внутри Большого Тома

7

Биг-Бен

Вряд ли найдется более известное и узнаваемое английское здание, чем эта необычная неоготическая часовая башня, отделяющая Вестминстерский дворец от Вестминстерского моста. Сама башня выглядит слишком современно и лаконично, чтобы ее можно было всерьез принять за средневековую постройку, но ее вершина возвышается, словно собор, над циферблатом часов, на фоне которых разворачивались кульминационные моменты множества фильмов, от «Тридцати девяти ступеней» до «Шаровой молнии». Она узнаваема с первого взгляда, хотя ее вряд ли можно назвать особенно красивой.

Впрочем, Огастес Пьюджин, основоположник неоготики, для которого эта постройка стала последним великим достижением, приведшим его к физическому истощению и безумию, с этим вряд ли согласился бы.

Часовая башня, как ее называли со времен постройки, в год Алмазного юбилея правящей королевы (2012) была переименована в Башню Елизаветы, однако это название не прижилось. Все же англичане не из тех, кто постоянно переименовывает свои улицы и постройки в честь недавно усопших или еще здравствующих героев.

Как всем известно, на самом деле имя Биг-Бен, или Большой Бен, носит колокол, не менее прославленный, чем башня, в которой он находится. Мы каждый день слышим его голос на канале ВВС перед выпуском новостей. Его необычный перелив (дин-дон-дин-дон – говорят, что это адаптиро-

ванная для колоколов церкви Святой Марии в Кембридже мелодия Генделя) знаком нам по телевизионной сатире, навязчивым рингтонам и из многих других источников.

Во время строительства башни возник бурный спор по поводу часов: никто не торопился вкладывать деньги в их изготовление, пока высота башни не достигнет 150 футов. В итоге часы заняли свое законное место только в 1859 году, спустя 25 лет после того, как старый Вестминстерский дворец и здания парламента сгорели дотла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.